

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ*

П.Д. Муратов

Новосибирск

guman@nsuem.ru

Статья является частью исследования «Художественная жизнь Новосибирска XX века». В нем намечено рассмотреть организационные формы профессионального и самодеятельного изобразительного искусства, станковые и монументальные виды художественного творчества в эволюции и во взаимодействии на протяжении ста лет. Хронологические границы статьи – 1944–1948 годы.

Ключевые слова: конференция художников Урала, Сибири и Дальнего Востока, Постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», Сибирская межобластная художественная выставка, творческие мастерские.

Постановление Совнаркома СССР о реэвакуации Третьяковской галереи вышло 4 октября 1944 года. Художественные ценности всех музеев, эвакуированных в Новосибирск, объединенные администрацией галерей научные сотрудники, реставраторы должны были уехать в столичные города. Предоставленные самим себе художники начали возвращаться в Москву, в Ленинград еще в начале года. Среди них был московский живописец В.И. Прагер, исполнявший обязанности председателя Новосибирского отделения оргкомитета Союза художников. Председатель Союза – посредник между коллективом художников и партийными и государственными структурами города. От него в значительной степени зависит покой и благополучие коллектива, поэтому желательно, чтобы он был членом ВКП(б), умел хорошо ладить с работниками крайкома, крайисполкома, комитета по культуре и, кроме того, был своим человеком в коллективе, надежным товарищем. В Крайкоме к беспартийному работ-

нику культуры относились настороженно и старались таковых не утверждать на должностях руководителей независимо от их деловых качеств. Однако в коллективе новосибирских художников 1944 года партийным человеком был один Н.Ф. Смолин. Он бы и не против стать председателем Союза, у него был председательский опыт в Томской АХРР, был соответствующий роли председателя темперамент, но Смолин еще в 1940 году официально признан *«старейшим художником Сибири»*. К концу войны он и сам почувствовал себя *«старейшим»*: лечился, стремился попасть под наблюдение врачей в санатории сердечников. Выдвинуть Смолина на хлопотную роль председателя оргкомитета не могли. А в начале года Новосибирский крайком получил уведомление от Комитета по делам искусств Совета Министров РСФСР о планах организации в Новосибирске Межобластной (Всесибирской) художественной выставки. Нужен был организатор коллектива художников, которым поручалось возобновление

* Данная статья продолжает опубликованные в журнале «Идеи и идеалы», 2009, №№ 1–2 части исследования: «Общества», «Смутное время», 2010, №№ 1(3) – 4(6) «Смена состава», «Краевые выставки», «От краевых выставок к областным», «Шаг вперед» и 2011, №1(7) «Если завтра война».

краевых выставок. И пришлось крайкому вопреки обычаю утвердить председателем оргкомитета беспартийного Л.Н. Огибенина, хотя анкетные данные Леонида Николаевича, если бы их затребовали, могли вызвать сомнения¹. Это был первый случай в Новосибирске, не считая истории «Новой Сибири», когда беспартийный художник становился во главе коллектива творческих работников.

Огибенин был заметной фигурой в Новосибирске: живописец камерного диапазона, собиратель книг по искусству, неприменный участник событий культурной жизни города, таких как театральные премьеры, новинки кино, литературные вечера и т. д. К сюжетно-тематическим картинам он тяготения не имел. Натюрморты с крупными яркими цветами, портреты, по преимуществу женские, составляли основу его творчества. И хотя ряд портретов его отмечался наградами, некоторые из портретов долго после выставок вспоминались художниками, авторы историко-революционных картин живописца Огибенина заслоняли. И вот он – председатель оргкомитета.

Уже в апреле 1944 года, когда массовые отъезды эвакуированных художников и сотрудников художественных музеев еще не начались, Огибенину пришлось делать в крайкоме доклад «О работе Новосибирского

Союза советских художников» – отчет за время работы Прагера и перспективах текущего года. В докладе шла речь о запланированной на ноябрь 1945 года Межобластной (Всесибирской) выставке изобразительного искусства, посвященной теме «Сибирь в годы Великой Отечественной войны». План выставки, поскольку ее идея шла от Комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР, в общем был уже решен. В него входили разделы: «Сибирь кует вооружение», «Сельское хозяйство в годы войны», «Сибирь – родина героев», «Труд женщины», «Прошлое Сибири», «Природа Сибири». Раздел «Быт во время войны» с подразделами «Дети», «Дети и армия», возможно, предложил сам Огибенин. Такое предположение возникает при знакомстве с теми холстами, какие он тогда писал, а это «Портрет девочки», «Мальчик, вышедший из окружения» в нескольких вариантах...

С участием Огибенина планировалась и осенняя выставка, оказавшаяся на самом деле зимней, открытой 14 января 1945 года в Доме Ленина после его приспособления под Дворец пионеров. Тематической разработки ее мы не знаем. Да и была ли разработка? Выставка изначально нацеливалась на весенне-летние этюды в живописи, в графике, в скульптуре, т. е. на повседневную работу художников по собственной инициативе, которая часто бывала свежее и ярче больших многозначительных полотен того же автора. В практике 1930–1940-х годов этюды расценивались как не имеющие общего интереса черновика. Они накапливались у художника в мастерской, если у него была мастерская, раздаривались по случаю знакомым. Огибенин мотивировал целесообразность такой выставки тем, что летние работы показывают «материал, часть которого в будущем будет использована для работы над

большими полотнами»² и, кроме того, этюды в совокупности показывают *«тот круг тем, над которыми работают художники – это города, колхозы, леса и поля Сибири, это сибиряки на фронте и в тылу»*³. В тон Огибенину высказалась О.А. Шереметинская, член правления Новосибирского Оргкомитета Союза художников: *«Не случайно хочется прежде всего остановиться на пейзаже, как не случайно возродившаяся тяга к нему в советской живописи. Река, косогор, группа деревьев, освещенных солнцем, увиденные суровыми глазами воина после боя... Чувство родины, бывшее до войны привычным, само собой разумеющимся, в эти суровые дни как бы вновь обретоно с потрясающей силой – для одних в боевом подвиге, для других в самоотверженном труде»*⁴. Приведенные цитаты взяты из опубликованных после открытия выставки заметок, но, вероятно, те же мысли были высказаны и при утверждении планов работы оргкомитета в крайкоме. И в результате выставка, не ставившая сверхзадач ни в искусстве, ни в публицистике, состоялась.

На ней почти полностью отсутствовали политические темы, в режим каникулярного лета с выездом на пленер не вписывающиеся. Совсем исчезнуть из состава выставки они, однако, не могли. Многие художники уже и сами чувствовали себя путниками, потерявшими дорогу. И Тютиков, и Смолин в качестве летних работ наряду с пейзажами показали также портреты И.В. Сталина: Тютиков – в рост, Смолин – по пояс. Надо иметь в виду и то, что устроители выставки, объявив ее общий этюдный минувшего лета состав, не отстраняли работы,

² Огибенин Л.Н. Выставка работ новосибирских художников // Красноармейская звезда. – 1945. – 26 января. – № 19.

³ Там же.

⁴ Шереметинская О.А. Выставка этюдов новосибирских художников // Советская Сибирь. – 1945. – 27 января.

программе выставки буквально не соответствовавшие. В экспозицию попали присланные с фронта зарисовки Н.П. Хомкова, под мирный жанр «этюды» не подходящие. Участница экспозиционной комиссии Шереметинская дала на выставку портреты «Девушка на солнце», «Военная колыбельная» – программные произведения. Тютиков же, показавший портрет Сталина, выступил почти исключительно как пейзажист, увлеченный видами старого полудеревенского Новосибирска. Работы Тютикова довольно точно соответствовали заданию экспозиции. Такого Тютикова еще не видели на выставках родного города.

Война близилась к концу. Уже шли по бульжной мостовой Новосибирска в сторону военного городка отряды пленных немцев. Выставляемые в витринах магазинов плакаты «Окон РОСТА» окрасились оптимизмом. В них проникли юмор и сатира.

Едва отошла в прошлое выставка этюдов и память о ней стала угасать в прозе будничных событий, как правление Новосибирского оргкомитета стало готовиться к Межобластной творческой конференции, неожиданно заявленной Президиумом оргкомитета Союза художников СССР. Для конкретных разговоров о состоянии изобразительного искусства в Сибири Президиум оргкомитета совместно с филиалами кооперативного товарищества «Художник» собрал в Новосибирск работы художников-сибиряков Омска, Томска, Красноярска, Иркутска, Хабаровска. Получилась внеочередная Межобластная художественная выставка, предваряющая ту, которая обсуждалась в Крайкоме, ожидалась осенью 1945 года, но теперь отодвинулась в неопределенное будущее. Роль нынешней быстро собран-

ной Межобластной – служить фоном творческой конференции сибиряков, сопроводить ее и вместе с ней исчезнуть.

Конференция художников Сибири – редкий праздник искусства. Ко времени ее проведения будто специально для нее в Новосибирске открылся театр оперы и балета, и ликующим хором «Славься, славься, родная страна!» зазвучало первое на новосибирской сцене представление оперы «Иван Сусанин». Сиял солнечный май 1945 года, сияло на лицах новосибирцев счастье Победы. После Всесибирского съезда художников, проведенного «Новой Сибирью» в 1927 году, до весны 1945-го никаких съездов не было. В продолжение восемнадцати суровых лет их заменяли решения и постановления ЦК ВКП(б). Поэтому проведение конференции становится в ряд с важнейшими событиями художественной жизни Сибири.

В 1927 году все делегаты съезда разместились вокруг одного большого стола. Все друг друга знали. Каждый произнесенный на съезде доклад обсуждался, после обсуждения по нему составлялась резолюция. Сейчас делегатов и гостей конференции набралось более ста пятидесяти человек. Полусемейная доверительность общения делегатов при таком их числе и разбросе мест постоянного жительства от Урала до Дальнего Востока заменилась полуофициальностью. Вел конференцию московский искусствовед М.П. Сокольников, ориентированный оргкомитетом Союза художников СССР на работу с творческими коллективами периферии.

Сокольников бегло охарактеризовал произведения сибиряков на выставке по привычной схеме поощрения и одновременного порицания. Установка его выступлений, если судить о ней по опублико-

ванной в газете «Советская Сибирь» статье, имеет близкую цель: настроить собравшихся на участие во Всесоюзной выставке в Москве: «Конференция художников Урала, Сибири и Дальнего Востока и выставка их произведений несомненно сыграют положительную роль. Обменявшись мнениями, опытом, наметив основные творческие задачи, художники-сибиряки создадут картины, достойные быть показанными на выставке 1945 года в Москве»⁵. Времени на создание картин, достойных Всесоюзной выставки, оставалось менее полугода, что докладчика, как видим, не смущало.

Высказывал он и общие пожелания. «В основном он призывал участников конференции учиться у стариков, у великих стариков: Александра Иванова, Федотова, Репина, Сурикова, Серова и т. д. – учиться у них живой правде, беспредельной любви к искусству, овладением, через искание формы, большого мастерства, большой идейной направленности, которая должна быть органично увязана с национально-советскими истоками»⁶. Ничего нового Сокольников этой частью речи художникам не сказал. Уже более десяти лет художественная культура страны была ориентирована на классику. По всей стране стар и млад, грамотный и неграмотный говорили о необходимости «учиться у великих стариков», не вникая при этом в суть требования, в рассмотрение условий и способов обучения. Ведь и самодеятельный копист, воспроизводящий по репродукции картину И.И. Шишкина «Утро в сосновом лесу», учится у классика. Но еще не было случая, чтобы он таким способом поднялся до классика.

⁵ Сокольников М.П. Художники Сибири // Советская Сибирь. – 1945. – 3 июня / Специальное издание, посвященное литературе, искусству, культуре и науке, № 1.

⁶ Тютюков И.И. Письмо В.М. Мизерову от 25 июня 1945 г. Копия письма хранится у автора данной работы.

Делегаты конференции не только внимательно слушали искусствоведа из Москвы, они и сами говорили. Председатели городских филиалов оргкомитета докладывали о работе местных отделений, об успехах творческих коллективов и о перспективах на ближайшее будущее. Представители Иркутска предложили создать Дом творчества на Байкале, издавна привлекающем, как и Алтай, пейзажистов Сибири. Предложение было принято и спустя некоторое время осуществлено. Конференция дружно согласилась с мнением красноярцев ожидаемую Межобластную выставку посвящать не Сибири, кующей вооружение или укрепляющей сельское хозяйство в годы войны – война уже прошла, такие темы уже не актуальны, а памяти В.И. Сурикова – художника, именем которого гордится вся страна, Сибирь в первую очередь. Имя его называл и Сокольников в числе тех «великих стариков», у кого сибирякам следовало учиться «живой правде», «беспредельной любви к искусству». Небольшая часть произведений Сурикова хранилась в Красноярске. Они могли стать если и не школой мастерства – слишком разнотипны были тогда в Красноярске акварели и картины маслом Сурикова, то во всяком случае бесспорным возвышающим примером. Конференция, таким образом, поменяла ориентиры ожидаемой Межобластной выставки, почти отменила ее пропагандистскую политическую однозначность.

В мае же, сразу после конференции, на тех же местах, где была сопровождавшая конференцию выставка, развернулась новая под названием «Выставка работ художников Москвы, Ленинграда и Новосибирска». По всей видимости, она задумывалась как художническое прощание накануне разъез-

да эвакуированных живописцев и графиков по родным городам и остающихся на месте новосибирцев. На практике получилось не совсем так. Среди участников выставки были и действительно жившие в годы войны в Новосибирске художники, и те, кто эвакуацию переживал в других местах, например в Самарканде (С.В. Герасимов), куда отправлены были художественные институты Москвы и Ленинграда со всем штатом преподавателей. Выставка, конечно же, сохраняла гул войны. На ней экспонировалась блокадная серия литографий А.Ф. Пахомова, вскоре ставшая известной всему художественному миру. От новосибирцев здесь выступили А.А. Бертик, Смолин, Тютников, Анкман, Огибенин, Шереметинская... Всех перечислить нет возможности, так как каталога выставки нет, есть только коротенькие заметки о ней в новосибирской периодике.

Ожидание мирного благополучия в повседневной жизни, ничем не омрачаемых условий творчества художников, завоевавших право на него на переднем крае сражений или преодолением тыловых голодных, холодных, казавшихся бесконечными трудовых дней, веяло в атмосфере 1945 года. Оставшиеся в живых фронтовики начали возвращаться домой. Вернулся Н.П. Хомков, воевавший еще под Халхин-Голом и прошедший Великую Отечественную войну на передовой линии фронта; вернулся И.В. Титков, сразу включившийся в выставочную деятельность; вернулся живший в Кемерово член новосибирского коллектива художников П.А. Чернов. Остальные уцелевшие пришли домой в 1946–1947 годах. Живые деятельные фронтовики, излодавшиеся по нормальной работе живописца, графика, повысили тон оптимизма художников Новосибирска.

Оживление и подъем творческой активности переживала и самодеятельность, тянувшаяся за профессионалами. В начале 1946 года в клубе имени Сталина открылась выставка изобразительного искусства работников железной дороги, а спустя некоторое время зрители увидели первую послевоенную областную выставку художников-самоучек. По описанию Н.Н. Нагорской, организатора выставки, она почти полностью состояла из карандашных рисунков. Так отозвалась война на творчестве любителей искусства: масляные краски и даже акварель добыть было трудно. Мало у кого сохранились довоенные запасы. Из отмеченных в периодике работ назовем карандашный рисунок «Офицер-разведчик» жителя Новосибирского сельского района С.Н. Перлова, карандашный рисунок В. Голомазова «Возвращение с войны».

Оживилось кооперативное товарищество «Художник». Оно объявило готовность принимать заказы на оформление клубов и учебных заведений к Первому мая, пообещало роспись тканей, выпуск расписной керамики, чего прежде здесь не бывало. «Товарищество», продолжая в сущности выставку летних работ, подготовило на продажу серию небольших пейзажей и натюрмортов, годных для домашнего пользования. Художественная жизнь Новосибирска вследствие того неизбежно раздвоилась: с одной стороны, она ориентировалась на высоты Всесоюзной выставки, с другой стороны, усилиями «Товарищества» и самодеятельного искусства она шла навстречу непритязательному быту жителей города и области. Так бы ей и идти, постепенно набирая высоту профессионального и разнообразия народного художественного творчества.

Но не дано человеку XX века жить мирно в соответствии с его материальными и духовными возможностями. 21 августа 1946 года в газете «Правда» появилось Постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», напоминающее статьи газеты «Правда» 1936 года («Сумбур вместо музыки», «О художниках-пачкунах», «Балетная фальшь»...). В Москве, в Ленинграде, в городах России пошла волна общественных проработок постановления с резолюциями, с оргвыводами. 22 сентября стенограмма речи А.А. Жданова о постановлении заняла целый разворот газеты «Советская Сибирь». Жданов умело превращал слушателей в толпу, откликающуюся «*добрыми смехом*», «*бурными аплодисментами*», «*бурные аплодисменты, все встают*» на броские характеристики ораторов: А.А. Ахматова – «*представитель безыдейного реакционного литературного болота*», М.М. Зощенко – «*проповедник безыдейности и пошлости, беспринципный и бессовестный литературный хулиган*». Одновременно он утверждал, что ВКП(б) стремится создать в стране «*изобилие духовной культуры*».

Художников впрямую это вздергивание как будто не касалось, ведь речь в постановлении шла о писателях, о литературе. Зощенко и Ахматова становились на несколько лет изгоями, общаться с ними было нежелательно, а живописцы, графики, скульпторы могли спать спокойно. Но спокойно спать мог только тот, кто готов был присоединить свой голос к голосу Жданова. Многие понимали: дан очередной залп по всей творческой интеллигенции. Сенатская площадь распространилась на всю страну. В Новосибирске эхом Жданова стал Мочалов, написавший разгромную рецензию на текст популярной лекции Нагорской «*Общее понятие о живописи и ее видах*». Адресу-

ясь к пережившим войну самодеятельным художникам, Нагорская писала: «*Искусство живописи через эмоциональное воздействие на человека дает эстетическое переживание, дает чувство высокой радости при созерцании и восприятии прекрасного в искусстве. Эстетические переживания дают отдых усталым нервам, как бы “умывают душу” и обновляют силы для дальнейшей работы*»⁷. Мочалов в ответ строго заметил: «*Что это за “умывание души” человека со слабыми и усталыми нервами? Наше советское искусство поставлено на передовую линию огня, ибо [как говорит товарищ Жданов] в условиях мирного развития не снимаются, а наоборот, возрастают задачи идеологического фронта*»⁸. И завершил рецензию: лекция Нагорской «*имеет в себе целый ряд политически неверных толкований, исходящих из ложных голых “эстетствующих” понятий об искусстве, противоречащих нашему марксистско-ленинскому мировоззрению и искусствознанию*»⁹. Невинная популярная лекция была запрещена.

Волна, поднятая Постановлением ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», улеглась нескоро. 4 сентября 1946 года Президиум оргкомитета Союза художников СССР и весь его актив собрались обсуждать постановление. К тому времени вышло еще одно – «*О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению*» от 26 августа 1946 года. Оргкомитету было что обсудить. Доклад делал скульптор М.Г. Манизер¹⁰, выступали 13 художников и искусствоведов, среди них знакомый нам Соколь-

ников. 14 сентября проведено расширенное совещание Оргкомитета по тому же вопросу. На него были приглашены художники Ленинграда, Украины, Белоруссии. Эти масштабные мероприятия неизбежно сопровождались разногласиями. Отсутствие в массах непоколебимого единства подвело правительство к решению передать руководство проведением Межобластной сибирской выставки Комитету по делам искусств при Совете министров РСФСР. Оргкомитет – орган самоуправления художников – должен был взять на себя всю практическую работу по выставке, идейное руководство и контроль за качеством исполнения переходили в руки Комитета – предшественника Министерства культуры РСФСР. Перемены системы руководства искусством затормозили выполнение планов выставки. Межобластную сибирскую перенесли на май 1947 года.

Она шла под знаменами Комитета по делам искусств при Совете министров РСФСР, что и отмечено в каталоге выставки. Соответственно, директором выставки (он же председатель жюри) был назначен представитель Комитета В.Д. Вишняк. Художники из городов Сибири¹¹ являлись членами жюри с правами совещательного голоса. Огигенина среди них не было. Он уже не председатель Новосибирского Союза. Его заменил И.В. Титков, фронтовик, орденосец, член ВКП(б) с 1942 года. По установке Вишняка, выставка должна была «*отразить в живописи и графике рост индустрии и сельского хозяйства в четвертой сталинской пятилетке, Отечественную войну, героизму социали-*

⁷ Мочалов М.А. Рецензия на лекцию т. Нагорской – «Общее понятие о живописи и ее видах». Рукопись. Хранится у автора данной работы. – С. 6.

⁸ Там же, рук.

⁹ Там же, рук.

¹⁰ Манизер Матвей Генрихович (1891–1966), автор памятника А.И. Покрышкину, установленного в Новосибирске на Красном проспекте 7 ноября 1949 года.

¹¹ А.П. Митинский (Тюмень), А.Н. Либеров (Омск), В.М. Мизеров (Томск), И.Е. Харин (Барнаул), И.В. Титков (Новосибирск), И.И. Тютюков (Новосибирск), Е.С. Кобытев (Красноярск), Г.А. Лавров (Красноярск), Б.И. Лебединский (Иркутск).

*стического труда, природу суровой Сибири*¹². Нам уже доводилось отмечать несоответствие четких планов руководителей делами искусств тому, что получалось на деле в плановых мероприятиях разного рода. И в данном случае строгие установки и состоявшаяся выставка совпадают, как мы увидим, не по всем параметрам.

Просмотр представленных художниками работ и их обсуждение во время просмотра шел, в сущности, весь апрель. Открытие выставки намечалось на Первое мая. Предназначенное под выставку помещение – интерьеры оперного театра – позволяло развернуть внушительную выставку. Она планировалась ретроспективной, показывающей путь профессионального искусства Сибири за тридцать лет, т. е. за весь период Советской власти. Предполагалось включить в нее разделы народного и самодеятельного искусства. Случись на самом деле такая выставка, она открыла бы новые горизонты художественной жизни Сибири. Сосуществование на равных правах разных видов искусства – народного, профессионального, самодеятельного – даже и не обсуждалось. Отважная заявка жюри на такие разделы выставки означалась и тут же погасла, а она могла привести к заявке на музей художественной культуры Сибири, подобный Русскому музею в Ленинграде, дополненному этнографическим разделом.

Оставив несбыточное на бумаге, жюри неторопливо рассматривало и обсуждало картины членов Союза художников иногда как бы себе в удовольствие. Так, 16 апреля смотрели только живопись и графику И.И. Тютикова и И.В. Титкова. На следующий день работа жюри завер-

шилась. Члены жюри, видимо, не оглядывались на свою работу. Удивления достойно отсутствие среди отобранных ими картин произведений, отображающих *«рост индустрии и сельского хозяйства в четвертой сталинской пятилетке»*. Весь рост индустрии отразился двумя акварелями художника из Кузбасса С.А. Бачевского «Стройплощадка Кузнецкстроя 1928 года» и его же акварель 1947 года, показывающая панораму уже построенного металлургического комбината. Индустрия как мотив живописи и графики художников не увлекала, что было заметно еще в 1940 году. Но заполнить этот пробел в заявленном плане труда не составляло. Нужное количество картин индустриального жанра можно было взять из наработок 1930-х годов, когда мотивировка «увлекает – не увлекает» существенного значения не имела. Без индустриальных мотивов, без историко-революционных полотен вся выставка составила как пейзажно-портретная, мирная послевоенная со сквозным сопровождением эпизодами войны.

К концу апреля уточнилось место выставки. Не в оперном театре, где площади немерены, а в многострадальном краеведческом музее, где очередной раз приходилось убирать в запасники собственную музейную экспозицию. В связи с переменой места выставки не только от народного, о котором после десятилетий полного к нему невнимания никто толком не знал, – оно исчезло вместе с раскулаченной деревней или едва теплилось где-то на окраине *«бучи, боевой кипучей»*, – но и от самодеятельного искусства, жившего в городах всегда рядом с искусством профессиональным, почти полностью отказались. Отказались и от ретроспекции, потому что и здесь не все было благополучно. В краеведческие музеи

¹² Вишняк В.Д. Вступительная статья к каталогу Сибирской Межобластной художественной выставки. – Новосибирск, 1947. – С. 6.

Сибири попали крохи искусства сибиряков разных лет. Из них объективную представительную ретроспекцию составить было невозможно.

Открывалась выставка не Первого мая, как ожидалось, а четырнадцатого. Перед ее открытием выставку просмотрели областные и городские партийные и советские организации. Приглашены были журналисты, писатели, артисты, музыканты. Через десять дней после ее открытия «Советская Сибирь» сказала свое слово о выставке. Не ломая голову над созданием солидного отклика на солидную выставку, редакция газеты взяла за образец свою же публикацию 1940 года, посвященную открытию Пятой областной выставки. Так же, как и семь лет назад, вся третья полоса газеты была отдана материалам – тогда областной, теперь – Межобластной выставки, тексту и фотографиям. Здесь были напечатаны статья секретаря Новосибирского обкома ВКП(б) по пропаганде В.Я. Королева «О творческом пути художников Сибири»; шесть заметок участников выставки: скульптора из Красноярска Г.Д. Лаврова и живописцев К.Н. Щекотова (Омск), А.Н. Огибенина, В.В. Титкова, И.В. Титкова, И.И. Тютюкова (Новосибирск); пятнадцать выдержек из книги отзывов; групповой портрет художников, премированных за успешное участие в выставке, и две репродукции: портрет инженера Дуничева работы Огибенина, пейзаж «Барабинская степь» омича А.Н. Либерова.

Королев, чья статья «О творческом пути художников Сибири» открывает подборку материалов, характеризующих Межобластную выставку, выступил в печати дважды. Второй раз та же его статья в более развернутом виде под названием «Заметки о сибирской художественной выставке» была опубликована в журнале «Сибирские

огни»¹³. Всем прочим рецензентам выставки, если они и были, тем самым путь к опубликованию мнений был закрыт.

«Важнейшей задачей всех работников советского искусства, – писал Королев, – является внедрение советской идеологии в массы трудящихся»¹⁴. Год назад ЦК ВКП(б) обнародовал «исторические решения» по идеологической работе. Ссылки на них, на речь Жданова составили лейтмотив статьи Королева. На эту идеологическую ось автор нанизал положительные и отрицательные, с его точки зрения, примеры творчества художников Сибири. Часть произведений, отмеченных наградами жюри, отметил и Королев, наверняка некоторое время следивший за ходом его работы. Из новосибирских это «2 февраля 1943 года в Сталинграде» В.В. Титкова, показывающее встречу двух фронтов Советской Армии; рисунок тушью «В боях за взятие Кенигсберга» И.В. Титкова; портрет инженера Дуничева А.Н. Огибенина; серия карандашных портретов знатных рабочих Кузбасса Н.Д. Фомичева; «В родном колхозе» Н.П. Хомкова; «На Оби» Г.М. Мирошниченко; портреты деятелей культуры Н.Ф. Смолина; скульптура малых форм «Чабан-ойрот» В.Ф. Штейн; «Материнство», «Жена фронтовика», «В суровые годы» (в каталоге картина значится под названием «На картофельном поле») О.А. Шереметинской. На первое место из всех 760 (730 по каталогу, 756 по данным Комитета по делам искусств при Совмине РСФСР) произведений на экспозиции Королев безоговорочно поставил скульптурный в рост портрет Сталина работы красноярца Л.Д. Лаврова, «произведение, в котором автору удалось раскрыть образ вождя мудрого и

¹³ Королев В.Я. Заметки о сибирской художественной выставке // Сибирские огни. – 1947. – № 3. – С. 99–103.

¹⁴ Королев В. Указ. соч. – С. 99.

великого и вместе с тем человчески близкого, дорогого советским людям»¹⁵, на последнее место были отодвинуты пейзажи, «которые при внешней красивости лишены внутреннего содержания, не выражают ничего, кроме созерцательного, пустого любования природой»¹⁶. Полностью неприемлемыми охарактеризованы картины иркутского художника А.П. Жибинова, «страдающие надуманностью и условностью образов, неестественностью красок и приемов»¹⁷, и портреты М.А. Возлинской¹⁸ (Новосибирск), в которых «явно сквозят влияния современного буржуазного западного искусства»¹⁹.

В пунктах отрицания Королёв решительно расходится с решением жюри. Портреты Возлинской не только не были убраны из экспозиции, один из трех просмотренных жюри – портрет Н.А. Чинакала – был отмечен в числе лучших на выставке. Портрет, пейзажи, натюрморт Жибинова награды не получили, но все семь его произведений демонстрировались на выставке. Несовпадение мнений о творчестве ряда художников, почти противостояние жюри и секретаря по пропаганде Новосибирского обкома ВКП(б) выявилось в Новосибирске впервые. Оно не имело значимых последствий, но и не отметить его нельзя.

Автохарактеристики новосибирских художников, напечатанные в газете, и схожи с позицией Королева, и решительно от-

нее отличаются. Прочитываем фрагменты выступлений И.И. Тютюкова, И.В. Титкова, Л.Н. Огибенина.

«На межобластной художественной выставке мы видим, что сибирские художники стремятся выполнить задачи, поставленные перед ними партией и правительством.

Отрадно искание проблем у большинства авторов, горячее стремление к овладению формой, отвечающей социалистическому реализму»²⁰. (Тютюков) [здесь и далее выделено мною – П.М.]

«Творческий союз советских художников Новосибирска – один из сильных коллективов Сибири, и хочется пожелать каждому художнику, чтобы его произведения были глубоко патристически, партийными и на высоком профессиональном уровне»²¹ (Титков).

«Современность и ее изображение – вот что волнует меня больше всего.

И если мне удастся принять какое-то, пусть очень скромное, участие в работе по созданию образа нашего современника, я буду глубоко счастлив.

Мне ясно, что если не будет найдена новая форма выражения, эта задача не может быть решена, и потому поиски этой формы меня очень увлекают»²². (Огибенин).

Сравнивая характер сопровождающих выставку 1940 года публикаций с характером публикаций 1947 года, приходим к выводу об отсутствии существенной разницы между ними. Будто и не пролегли между ними годы, не разделяет их трагедия войны. Задача «внедрения советской идеологии в массы трудящихся» оставалась действенной все

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с. 101.

¹⁷ Там же, с. 103. Жибинов – ученик И.А. Копылова (1924–1929) и П.Н. Филонова (1929–1933).

¹⁸ М.А. Возлинская родилась в Риге (1912), жила за границей (1932–1940), училась в Академии искусств Флоренции. С 1940 по 1944 год отбывала ссылку в Нарыме. С 1944 по 1958 год жила в Новосибирске.

¹⁹ Королёв В.Я. Заметки о сибирской художественной выставке // Сибирские огни. – 1947. – № 3.

²⁰ Тютюков И.И. Задачи советского художника // Советская Сибирь. – 1947. – 25 мая, № 103. – С. 3.

²¹ Титков И.И. Работать по-большевистски // Советская Сибирь. – 1947. – 25 мая, № 103. – С. 3.

²² Огибенин Л.Н. Ярче показать советских людей // Советская Сибирь. – 1947. – 25 мая, № 103. – С. 3.

годы советской власти, поэтому найденная однажды формула «социалистический реализм» повторялась из года в год, из статьи в статью. Выходы за ее привычные пределы немедленно попадали под обстрел как «формализм», «натурализм», «эстетизм» и т. д. Создается впечатление полной неподвижности принципов творчества. Абсолютная истина найдена, ее нужно только оберегать, отстаивать. Действительное изобразительное искусство и даже выставочная практика шаг за шагом эволюционировали, вписываясь в меняющиеся условия художественной жизни страны. На Межобластной выставке можно было видеть работы авторов, впервые выступивших в Новосибирске. Это и отмеченная наградой живописец М.А. Возлинская, и театральный художник М.Ф. Домрачев, и К.П. Тимофеева, чьи работы отнесены Королёвым к «слабым, безыдейным». Выставленные ею акварели были написаны под впечатлением от оккупированного Киева – города, в котором Тимофеева прошла школу художественного института, пережила оккупацию и теперь единственная из всех участников выставки показывала жизнь военных лет с той стороны, о какой в Сибири мало кто знал. Возлинская на прошлое не оглядывалась. Писала портреты, но пройденная ею во Флоренции художественная школа давала о себе знать, может быть, и против воли автора. Учившийся до революции в Петербурге, затем в Мюнхене, имевший опыт длительной работы художником театра в Китае, Домрачев выставил эскизы театральных декораций к операм «Севильский цирюльник», «Фауст». На них не обратили внимание, их как бы и не было на выставке, но они были и в совокупности с работами В.Ф. Штейн²³, М.А. Воз-

²³ В.Ф. Штейн (1881–1965) родилась в Петербурге, в семье профессора консерватории.

линской, Н.Д. Фомичёва, как и М.Ф. Домрачева, учившегося в Мюнхене, могли дать тему для размышлений. Пришлось бы заданные политиками теоретические формулы отставить, смотреть и думать, но на это партийная критика не была способна.

Межобластная выставка – новшество послевоенного времени. Она прямо подвела сибиряков к масштабам республиканских выставок, куда со временем будет им открыта широкая дорога. В Новосибирске Межобластная выставка работала два месяца, а затем, в соответствии с планом передвижного ее варианта, ее отправили в Иркутск, где ей предстояло экспонироваться с 15 июля до 15 августа, и в обратную сторону через Красноярск, Омск до Тюмени. «Следующая Всесибирская выставка, более широкая по объему и тематике, будет вновь организована в Новосибирске в 1950 году», – пообещала участница организации выставки О. Вишняк²⁴. Успех работы Межобластной выставки – ее посетили 20 000 зрителей – обещание устраивать подобные выставки в Новосибирске и впредь, подвигло руководящие инстанции Новосибирска выделить художникам помещение для индивидуальных творческих мастерских.

И снова художники оказались в гостях у краеведов. Двухэтажное кирпичное строение на углу Красного проспекта и улицы Свердлова, где с середины 1920-х годов размещался Новосибирский краеведческий музей, где проходила Всесибирская выставка 1927 года, краевые 1933 и 1934 годов, межобластная 1947-го было разделено на два уровня: первый этаж оставался за краеведческим музеем, второй оборудовали под

Училась в Петербургской Академии художеств, в Академии Коларосси в Париже. Отбывала срок на Соловках. С 1934 г. жила в Новосибирске.

²⁴ Вишняк О. На Всесоюзную выставку // Советская Сибирь. – 1947. – 8 июля.

четырнадцать индивидуальных творческих мастерских, расположенных по южной и западной сторонам здания. Пространство между мастерскими превратили в выставочный зал, где с июля 1948 года стали проходить областные выставки. В жизни художников Новосибирска открылась новая эра.

Общее число имеющих право получить мастерскую было тридцать человек. Мастерских, как сказано, четырнадцать. Понятно, мастерские достались избранным. Получили мастерские Мочалов, братья Титковы, Хомков, Ликман, Огибенин, Шереметинская... Избранным мог быть Смолин, однако он, имевший на то время двухкомнатную квартиру на улице Большевицской, напротив завода «Труд», получить мастерскую не стремился. Он привык работать дома. С руководством завода «Труд» у художника сложились устойчивые деловые и товарищеские отношения. Отдаваться от завода ему не хотелось. Как раз в 1948 году 29 июля Смолину исполнялось шестьдесят лет. Предстояло чествование среди художников и на заводе. Не получил мастерскую Овчинников. Ему неудобно было работать на втором этаже. Он от графики перешел к скульптуре. Поднимать грузы по крутой узкой лестнице, спускать по ней же готовые фигуры и бюсты из гипса он не захотел. Не получил мастерскую график Туркин. Он тоже всю жизнь работал дома. Там у него сложилось с окрестными детьми что-то среднее между художественной школой, Детским домом и оздоровительной площадкой. Одним словом, трагедии от того, что один получил мастерскую, а другой не получил, в те послевоенные годы в Новосибирске не наблюдались.

Получившие мастерские блаженствовали. Сразу же в предоставленном художникам помещении стали складываться архив

Союза и библиотека. К художникам быстро проторили дорогу журналисты, актеры, деятели науки, медицины. Владельцы мастерских возобновили студию вечернего рисования, возникшую еще до войны. Снова стали приглашать желающих «нарисоваться». Рисовали и друг друга по очереди. Постоянно ходили на студию, разумеется, не все тридцать человек. Самым прилежным рисовальщиком оказался Огибенин. Рядом с ним Шереметинская, Возлинская, Гинзбург, Хомков, Ликман, Мочалов, Фокин, Тимофеева.

Выставочный зал использовался и для политических занятий. Всесоюзное товарищество «Всекохудожник» объявило конкурс на лучшее произведение, отображающее жизнь и деятельность Ленина и Сталина. Конкурс назначен на первое августа 1948 года. Мастерские получены 29 мая. Несмотря на несбыточный двухмесячный срок подготовки живописи, графики к конкурсу, во время которого готовые произведения должны были дойти до Москвы, до «Всекохудожника», работа над темой началась. Для участников конкурса начались лекции по теме, организованы коллективные занятия по изучению биографий Ленина и Сталина. Награду на Всесоюзном конкурсе никто из новосибирцев, конечно, не получил. Слишком неравные были возможности художников Москвы, Ленинграда и Новосибирска. Столичные авторы узнали о конкурсе заблаговременно. Посредничеством почты или нарочных пользоваться им не приходилось. В Москве и в Ленинграде существовали музеи, дававшие возможность предметно осознать биографию первых руководителей советского государства. В Москве и в Ленинграде жили художники-специалисты по изображению Ленина и Сталина. Живописец А.М. Гера-

симвов, например, именно за картины этой темы получил звание лауреата Сталинской премии. Все это было известно, но участие в конкурсе считалось патриотическим долгом художников Сибири.

Конкурс пришел, конкурс прошел, а политзанятия в помещении мастерских и выставочного зала остались. Пропагандисты и агитаторы горкома и обкома ВКП(б) надолго, на десятилетия, освоили художнический оазис, через который проходило много новосибирцев, преимущественно интеллигенции.

Литература

Вишняк В.Д. Вступительная статья к каталогу Сибирской Межобластной выставки. – Новосибирск, 1947. – С. 6.

Вишняк О. На Всесоюзную выставку // Советская Сибирь. – 1947, 8 июля.

Мочалов М.А. Рецензия на лекцию Нагорской – «Общее понятие о живописи и ее видах». Рукопись. (Хранится у автора данной работы).

Королев В.Я. Заметки о сибирской художественной выставке // Сибирские огни. – 1947. – № 3. – С. 99–103.

Огибенин А.Н. Выставка работ новосибирских художников // Красноармейская звезда. – 1945. – 26 января / – № 19.

Огибенин А.Н. Ярче показать советских людей // Советская Сибирь. – 1947. – 25 мая. – № 103. – С. 3.

Шереметинская О.А. Выставка этюдов новосибирских художников // Советская Сибирь. – 1945. – 27 января.

Сокольников М.П. Художники Сибири // Советская Сибирь. – 1945. – 3 июня / Специальное издание, посвященное литературе, искусству, культуре и науке, № 1.

Титков П.П. Работать по-большевистски // Советская Сибирь. – 1947. – 25 мая. – № 103. – С. 3.

Тютиков П.П. Письмо В.М. Мизерову от 25 июня 1945 г. Копия письма хранится у автора данной работы.

Тютиков П.П. Задачи советского художника // Советская Сибирь. – 1947. – 25 мая. – № 103. – С. 3.